

П. Небольсин

**Очерки быта калмыков
Хошоутовского улуса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. Небольсин**
Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса / П. Небольсин – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 198 с.

ISBN 978-5-4241-9658-4

ISBN 978-5-4241-9658-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

=

Во-время разъездовъ моихъ, въ 1850 году, по Оренбургскому-краю, мнѣ случилось познакомиться съ Калмыками и въ Земль Оренбургскаго-Казачьяго-Войска, и между Уральцами. Въ 1851 году мнѣ довелось выжить въ Астрахани четыре съ половиною мѣсяца. Въ-продолженіе этого времени, я сблизился съ астраханскими Калмыками и, между-прочимъ, совершилъ повздку къ нимъ въ самое кочевье, на рѣчку Ашулукъ, въ главную лѣтнюю ставку Хошоутовскаго-улу-са, гдѣ и выжилъ около трехъ недѣль.

Случай устроилъ дѣло такъ, что я попалъ въ степь въ самое обильное степными происшествіями время. Наставало религіозное торжество, готовилось народное празднество; они при мнѣ и совершились, такъ-что я былъ свидѣтелемъ и кочевки, и жертвоприношеній, и торжественнаго богослуженія, и борьбы, и пиршествъ.

Въ то же самое время произошло нѣсколько случаевъ, важныхъ для меня, какъ для наблюдателя, потому-что они дали мнѣ возможность еще ближе приглядѣться къ домашнему быту Калмыковъ. Въ мое пребываніе были торжественныя поминки по прежнемъ владѣльцѣ, праздновалось нѣсколько свадебъ и было нѣсколько вечеринокъ у простыхъ Калмыковъ. Все это должно было имѣть слѣдствіемъ то, что въ три недѣли пребыванія моего въ улусъ я успѣлъ ознакомиться съ народомъ въ той степени, чтобъ рѣшиться написать о немъ предлагаемую книгу.

У насъ о волжскихъ Калмыкахъ писано много, начиная съ великолѣпнаго, классическаго труда Палласа, до свѣдѣній, сообщенныхъ публикѣ г. Неедѣевымъ, весьма близко и обстоятельно изучившимъ Калмыковъ достоюлжнымъ порядкомъ. Позже него, въ одномъ изъ повременныхъ нашихъ изданій, появился о Калмыкахъ рядъ статей барона Бюллера ; но въ нихъ очень многое, касающееся нравовъ и обычаевъ народа, передано несовсѣмъ такъ, какъ оно на-самомъ-дѣлѣ бываетъ.

Вообще говоря, та точка воззрѣнія на предметъ, которую я себѣ составилъ о Калмыкахъ, разнится во многомъ отъ точки воззрѣнія на нихъ предшествовавшихъ мнѣ писателей ; и разницу эту я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что постоянно проводя время съ Калмыками и стараясь во всемъ поддѣлываться подъ ихъ обыкновенія и привычки, съ цѣлю, какъ можно ближе, освоиться съ ихъ нравами и обычаями, я, можетъ-быть, до такой степени увлекся привязанностию къ своему предмету, что сталъ менѣ другихъ строгъ къ недостаткамъ, которые вмѣняются Калмыкамъ въ вину, и занимался мелочами, необратившими на себя вниманія другихъ.

Какъ бы то ни было, но запасъ матеріаловъ, которые мнѣ удалось приобрести о Калмыкахъ, столько, какъ мнѣ казалось, былъ полонъ интереса, что я не могъ не посвятить ему и времени, и трудовъ.

Весьма естественно, что всего мною описываемаго не могъ я видѣть собственными глазами : за матеріалами для восполненія моихъ личныхъ замѣтокъ я заблагоразсудилъ обращаться не къ печатнымъ источникамъ, а къ показаніямъ самихъ Калмыковъ, тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, на прямотушіе и на опытность которыхъ могъ я положиться съ уврѣненностию. Но для того, чтобы читатель, въ случаѣ надобности, могъ видѣть всю разницу между свѣдѣніями, мною передаваемыми, и свѣдѣніями, за семдесятъ-пять лѣтъ переданными въ единственномъ самостоятельномъ и капитальномъ трудѣ Палласа, я, въ приличныхъ мѣстахъ, дѣлаю указанія на тѣ страницы его творенія, гдѣ трактуется о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ и я говорю.

Лица, почтившія меня продолжительными бесѣдами и особенно-много одолжившія меня отвѣтами на мои вопросы, суть

Хошоутовскій войонъ и владѣлецъ, князь Церенджабъ Тюменевъ ;

Хошоутовскій нойонъ, князь Церенъ-Норбо Тюменевъ ;
Цебекъ Тачеевъ, аймачный зайсангъ рода Уранхусъ ;
Зунгуру-Арши, родомъ Икихошоутъ, гелюнгъ и астрологъ ;
Цюрюмъ-Арши, родомъ Еркетееневецъ, гелюнгъ и врачъ ;
Чембиль-Затонъ, хахачинова рода, ремесленникъ ;
Кюке Керечеевъ, хазлаева отдѣленія, скотоводъ, и
Буханъ Пюскеевъ, керетова рода, рыболовъ.

Изъ помогавшихъ мнѣ совѣтами мѣстныхъ чиновниковъ, вполне знакомыхъ съ обычаями Калмыковъ, я могу поименовать только И. Г. Черкасова, выжившаго нѣсколько лѣтъ въ калмыцкихъ улусахъ.

Наблюденія свои производилъ и устныя свѣдѣнія собиралъ я по преимуществу объ однихъ Хошоутахъ. Хотя то, что касается до одного улуса, можетъ иногда отчасти, а иногда и въ одинаковой степени, касаться и до всѣхъ улусовъ, однакожь я, не имѣя близкаго знакомства ни съ Дербетами; ни съ Торгоутами, не могу не присовокупить, что въ книгѣ своей я имѣю въ виду исключительно однихъ дальнихъ Хошоутовъ, не на Волгѣ сидящихъ, а кочующихъ вдали отъ ея береговъ и занимающихся скотоводствомъ.

I.

Общій взглядъ на волжскихъ Калмыковъ.

Калмыки явились въ при-Каспійскомъ краѣ въ-началѣ семнадцатаго столѣтія, подъ предводительствомъ торгоутскаго тайши Хо-Урлюка.

Изъ официальныхъ документовъ того времени извѣстно, что первую присягу на подданство Россіи они принесли царю Михаилу Ѳедоровичу, и въ то же время завели торги съ Башкиріею ¹, съ которою имъ неминуемо должно было ознакомиться, какъ во-время перекочевки съ мѣстъ прежнихъ своихъ обиталищъ, такъ и во-время набѣговъ на соседственныя племена.

Мирное и спокойное кочеваніе Калмыковъ скоро измѣнилось : «и начали они приходить войною подъ сибирскіе города, и подъ Уфу, и подъ Саратовъ, и подъ Астрахань, и на Едисанскіе и Ногайскіе улусы ; стали города и узды воевать, села и деревни жечь, улусы разорять, людей побивать и полонить» ².

Царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ о семъ извѣстіе, повелѣлъ астраханскимъ воеводамъ провѣдывать : «гдѣ калмыцкіе люди и сколь далеко отъ Астрахани кочуютъ» ³ ?

Хо-Урлюкъ пребывалъ въ Россіи съ сыновьями Шукуръ-Дайчиномъ, Ельдегомъ и Лоузаномъ, и кочевалъ, по временамъ, то на Ембѣ, то на Яикѣ, то, наконецъ, на Самарѣ. Около 1640 года, Хо-Урлюкъ съ сыновьями былъ на общемъ съѣздѣ монгольскихъ предводителей, при составленіи и утвержденіи статей монгольскаго законоположенія ⁴. Онъ тамъ и остался, а Шукуръ-Дайчинъ, возвратившись на рѣку Яикъ, или нынѣшній Уралъ, къ своимъ Калмыкамъ, оправдывался

¹ Акты Историческіе, собранные и изданные Археографической Комиссіей. Т. IV. № 32, стр. 110.

² Тамъ же.

³ Тамъ же, стр. 109.

⁴ Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. S.-Petersburg, 1776, Th. I, pag. 195.

противъ буйства своихъ подчиненныхъ передъ воеводами тѣмъ, что вся безпорядки произведены Калмыками безъ его вѣдома, и что въ то время, когда онъ ѣздилъ, по своей вѣрѣ, молиться задоръ и ссора Калмыковъ съ государевыми людьми учинилась безъ него, отъ братьи, отъ дѣтей, отъ племянниковъ и отъ улусныхъ ихъ людей. Такъ-какъ «между Калмыками не повелось, чтобъ письмами пересылаться», то Шукуръ-Дайчинъ и прислалъ къ астраханскимъ воеводамъ нарочныхъ гонцовъ съ обещаньемъ быть подъ Царскаго Величества высокою рукою въ вѣчномъ послушаньи, и ходить на государевыхъ ослушниковъ, куда Государь укажетъ⁶.

Несмотря на это обещаніе, Калмыки не были спокойны. Владѣтельство Россіи въ при-Каспійскомъ краѣ поддерживалось тогда силою русскаго оружія въ немногихъ мѣстахъ. Рать русская стояла въ Астрахани и въ Яицкомъ-городѣ; Волга и Яикъ были совершенно пустынно и незаселены; въ нынѣшнемъ Гурьевъ-городкѣ были небольшіе пикеты казаковъ, оберегавшихъ хозяйство гостя Михаила Гурьева; низовья Волги и пространство ея отъ Саратова до Астрахани оставались въ зауставіи; нагорный, правый берегъ ея носилъ еще названіе Крымской-стороны, а луговая сторона звалась стороною Ногайскою. Калмыки свободно бродили изъ стороны въ сторону, и пользуясь оплошностью степныхъ обитателей, грабили ихъ, полонили и подчиняли своей зависимости.

Одинъ изъ посланныхъ въ 1654 году къ калмыцкимъ тайнамъ толмачей, именно Афанасій Борисовъ, рассказываетъ, что онъ тайну Лоузана и племянника его Мончака, сына Шукуръ-Дайчина, встрѣтилъ на Крымской-сторонѣ, отъ Астрахани въ днѣцѣ, на урочищѣ Коровей-Луки. Мѣсто это и понынѣ носитъ то же названіе: сто лѣтъ тому назадъ, здѣсь именно правительство велѣло выстроить новый домъ для тайщи, или, какъ его иногда еще звали, хана, Замьяна: нынѣ тутъ домъ и садъ ханшюутовскаго владѣльца, князя Церенджаба Тюменева, немного пониже станицы Лебяжновской; выше ея есть казачья станица, называемая «Замьяновскою», потому-что тутъ стоялъ прежній домъ Замьяна.

Съ Коровей-Луки Лоузанъ и Мончакъ перешли на Ногайскую-сторону и съ присоединившимися къ нимъ ногайскими и едисанскими мурзами и татарами пошли отъ Волги, изъ-подъ Астрахани, въ

⁶ Акты историческіе. Т. IV, стр. 111.

свои улусы. За рвкой Бузано́мъ, въ урочищѣ Берекѣтъ, тамъ, гдѣ нынѣ живутъ Кундровскіе-Татары, встрѣтили они гонцовъ отъ Сереня-тайши, кочевавшаго за Яикомъ, и разошлись каждый по своимъ кочевьямъ. Афанасій Борисовъ рассказываетъ при этомъ ⁶, что:

Тайша Лоузанъ пошелъ въ прежнія свои кочевья, вверхъ по Волгѣ, къ Самарѣ ;

Тайша Мончакъ ушелъ за Яикъ, въ яицкія вершины, на урочище Кашау́нъ, въ четырехъ днищахъ отъ Сереня ;

Тайша Серень кочевалъ въ ту пору подлѣ рвки Яика, къ морю, отъ Яицкаго-города, нынѣшняго Гурьева-городка, въ полуднищѣ ;

Тайша Шукуръ-Дайчинъ, сынъ Хо-Урлюка, кочевалъ за Яикомъ, въ урочищѣ Индѣрскихъ-горъ, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость «Горская», на нѣкоторыхъ картахъ именуемая «кр. Индѣрскія-горы» ⁷.

Рассказывая о томъ, какъ Калмыки похищаютъ и полонятъ государевыхъ русскихъ людей и Татаръ и продаютъ ихъ въ Хиву, Борисовъ прибавляетъ, что на калмыцкіе улусы недавно нападали Башкирцы : «Башкирскіе люди,» говоритъ онъ, «калмыцкимъ людямъ и Татарамъ добре страшны : Калмыки съ ними Башкирцами мало и бьются» !

Одинъ Татаринъ предлагалъ въ это время поставить для отпора Калмыковъ четыре форта одинъ за Яикомъ, въ Индѣрскихъ-горахъ, другой на Яикъ, въ урочищѣ Яблонномъ, гдѣ могла одного ногайскаго муллы, третій на Ахтубъ, въ урочищѣ Укрѣмъ, а четвертый на рвкъ Илѣкъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, говорилъ Татаринъ, всегда калмыцкихъ людей перелазы бываютъ, и если гарнизонъ будетъ состоять изъ Русскихъ да изъ Башкирцовъ, Калмыки всегда далеки будутъ отъ Астрахани ⁸.

Калмыкамъ запрещено было подходить къ русскимъ городамъ и кочевать по Волгѣ ; для охраненія Астрахани отъ ихъ набѣговъ

⁶ Дополненіе къ Актамъ Историческимъ Т. III, № 126, стр. 537. Ср. у Палласа Ueber d. mong. Völkerschaften. Th. I, pag. 58 — 60.

⁷ Въ-то-время, когда Торгоуты кочевали на Яикъ, Дербетевцы занимали земли въ сосѣдствѣ Киргизовъ, между рвкъ Сары-су и Кендеряка. См. Книга Большому Чертежу, изд. Г. И. Спасскаго, Москва, 1846, стр. 208, и Списокъ съ Чертежа Сибирскія Земли. Москва, 1849 г., стр. 3.

⁸ Дополненіе къ Акт. Ист. Т. III, № 126, стр. 539.

основана крѣпостца Красный-яръ ; въ Индѣрскихъ-горахъ учрежденъ казачій пикетъ, прозванный Хошъ (кибитка)—яицкимъ⁹ ; Калмыки присмирѣли, и учинившись въ вѣчномъ подданствѣ, ходили войною противъ государевыхъ недруговъ, на Крымцовъ, подъ Азовъ и подъ Казыевъ-улусъ¹⁰. Наконецъ, Калмыкамъ разрѣшено занять берега Ахтубы¹¹, а частые набѣги на Закубанцовъ и на крымскихъ Татаръ передали въ пользованіе Калмыковъ и правый, крымскій берегъ Волги.

Хо-Урлюкъ привелъ въ Россію до пятидесяти тысячъ кибитокъ, или калмыцкихъ семей, торгоутскаго поколѣнія. Вскорѣ потомъ прикочевала часть хошуутскаго поколѣнія, въ числѣ около трехъ тысячъ семей ; за ними пришло четыре тысячи кибитокъ Дзюнгорцевъ-Дербетевцевъ ; въ-послѣдствіи времени число Калмыковъ мало-по-малу все болѣе и болѣе усиливалось прибылыми толпами, и такимъ-образомъ въ при-Волжскомъ и въ при-Каспійскомъ краѣ число калмыцкихъ семей къ 1767 году возросло до того, что ихъ офиціально насчитывали до сорока-двухъ тысячъ ; но такъ-какъ въ этотъ счетъ положены были не все Калмыки, то и полагали, что ихъ всего было до семидесяти тысячъ кибитокъ¹².

Калмыки принесли къ намъ изъ-за Алтая то же устройство, какое имѣли и все Монголы. Устройство это было основано на началахъ патриархальнаго родоваго ихъ быта.

Зародышемъ, основаніемъ рода былъ «хотонъ». Хотонемъ называется куча близкихъ родственныхъ семей, сообща, нераздѣльно живущихъ на данной мѣстности¹³. Эту кучу родственниковъ составляли правдѣ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками ; правителемъ хотона былъ глава семейства, «ага», старецъ, старѣйшина, нынѣ старшина ; у Ногаевъ и у Киргизовъ этому званію соотвѣтствуетъ «ак-сакаль», «Бллая-борода».

«Аймакъ» есть связь нѣсколькихъ хотоновъ, соединенныхъ между собою узамъ родства въ степеняхъ дальнѣйшихъ и болѣе или менѣе

⁹ Тамъ же, стр. 531. Палласъ *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, S.-P.-burg, 1771, Th. 1, pag. 402.*

¹⁰ Акт. Истор. Т. IV, №№ 151 и 154.

¹¹ Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. I, № 1,245 и Т. II, № 1,245.

¹² Палласъ *Ueber die mong. Völkerschaften. Th. I. pag. 92 и 93.*

¹³ Смотри въ концѣ отдѣльной главы о калмыцкой кибиткѣ.

близкого свойства. Аймакъ, точно такъ же, какъ и хотонъ, не могъ имѣть определенной численности. Тотъ изъ хотонныхъ старшйицинъ, который по прямой линіи происходилъ отъ главы перваго хотона, получалъ званіе «зайсйна» или «зайсанга», и управлялъ цѣлымъ аймакомъ. Званіе аймачнаго зайсанга переходило наследственно отъ отца къ старшему сыну, братья котораго именовались просто зайсангами, но не аймачными, а отъ простыхъ Калмыковъ рознились только почетомъ происхожденія. У Киргизовъ слову аймакъ почти соответствуетъ «аулъ», а зайсангу — «бій».

Родомъ, «ангй», называется соединеніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго всѣмъ имъ родоначальника или старшйинины того хотона, отъ котораго родъ разродился. Родственные отношенія зайсанговъ разныхъ аймаковъ сохраняются только въ преданіяхъ, старшинство ихъ, одного передъ другимъ, съ теченіемъ времени утрачивается: поэтому всѣ зайсанги равны между-собой. Земли, занимаемыя однимъ родомъ, отдѣльно отъ чужеродцевъ, здѣсь впервые получаютъ опредѣлительное названіе «отокъ», или участокъ.

Въ-последствіи времени, когда народъ болѣе и болѣе сталъ употреблять въ дѣло свою воинственность, въ которую обратилась развитая междоусобными распрями алчность къ добычѣ, правители Калмыковъ стали подраздѣлять роды, или ангй, на «зунъ», сотни, а сотни на сорока, для легчайшаго расчета и сбора съ отока ратныхъ людей. Сотня заключала не опредѣленное число кибитокъ, или хошей, а опредѣленное число, именно сто, дымовъ или котловъ, или семействъ, члены которыхъ живутъ общимъ хозяйствомъ, ѣдятъ изъ одного родительскаго котла ¹⁴.

«Улусомъ» называлась часть народа, заключавшая въ себя нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного, общаго всѣмъ имъ корня. Правителемъ улуса былъ ближайшій родственникъ тайши, называвшійся «нойномъ» или «нойономъ», но собственное значеніе слова нойонъ — «господинъ.» Нойоны иногда присвоивали себѣ званіе «тайши», но на-самомъ-дѣлѣ они тайшами не были, состоя къ этой власти въ вассальныхъ отношеніяхъ.

«Тайша» былъ правителемъ цѣлаго поколѣнія, называвшагося «тагачи», и раздѣлявшагося на улусы. Лучшимъ и обширнѣйшимъ улусомъ тайша завѣдывалъ самъ непосредственно, а менѣе обширные раздавалъ, и въ управленіе, и въ кормленіе, сыновьямъ и братьямъ,

¹⁴ Тамъ же.

которые и чередовались между-собою по обстоятельствамъ. Напримеръ : если сынъ тайши, нойонъ, умиралъ, то улусъ его переходилъ въ управленіе другого сына, или брата, или племянника, а ихъ улусы или передавались третьимъ родственникамъ, или присоединялись къ улусу старшаго сына, или самого тайши. Земли, занятія кочевьями цѣлаго поколѣнія, назывались «нутукъ». Значеніе тайши сходствуетъ нѣсколько съ значеніемъ бековъ у Ногаевъ, султановъ у Киргизовъ, гиреевъ у Крымцовъ, и князей нашей старины.

Соединеніе нѣсколькихъ поколѣній въ одно цѣлое есть «оронъ», племя : главою его былъ «Хонъ-тайджи» или «контайша» Калмыковъ, то же, что «ханъ» у Киргизовъ ¹⁵.

Званію зайсанга присвоивали титулъ «кюндюте», «ваше почтенство»; нойона звали «алдыръ», слово по-русски непереводимое; къ нему присовокупляли иногда слова «хашрадыкъ» или «орѣшенгуте», что передаютъ русскими фразами «ваша милость» и «ваша добродѣтель».

У Киргизовъ одни султаны составляютъ «благородное» сословіе народа, «бѣлыя кости», «чистый народъ», и съ этимъ выраженіемъ соединяется идея о прямомъ происхожденіи султана отъ Чингисъ-хана. У Калмыковъ и тайши, и нойоны, и даже зайсанги вообще называются «цаганъ-ясъинъ», то-есть «бѣлыя кости»; вся остальная масса народа называется «харá-кюнь», смердь, чорный человекъ, «харá-улусъ» — чорный народъ, или «харá-ясъицъ», чорныя кости.

Званія контайши, или хана, у Калмыковъ въ Россіи прежде не было: Аюка, сынъ Мончака-тайши и внукъ тайши Шукуръ-Дайчина, Хон-Урлюкова сына, первый присвоилъ себѣ этотъ титулъ. Послѣ него званіе хана носили сынъ его Церевъ-Дондукъ, за нимъ его племянникъ, внукъ Аюки, Дондукъ-Омбó, потомъ другой внукъ Аюки, Дондукъ-Данш и его сынъ Убуши.

Съ бѣгствомъ Убуши достоинство хаювъ уничтожено : оно замѣнено было, на нѣкоторое время, титуломъ намѣстника; достоинство тайшей утратилось, и уступило мѣсто званію нойоновъ; Калмыки, постепенно входя въ общій разрядъ племенъ, населяющихъ огромное пространство Имперіи, находились сначала въ непосредственномъ завѣдываніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ подчинены астраханской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, управляющей которою и называется «Главнымъ Попечителемъ Калмыцкаго Народа».

¹⁵ Палласъ Ueber die mong. Völk. Th. I, pag. 186 - 191.

Въ подчиненности къ нему состоятъ «ноионы» владѣльческихъ улусовъ и «правители» улусовъ казенныхъ, а уже въ ихъ зависимости управляютъ народомъ аймачные зайсанги и хотонные старшины, на общихъ законахъ.

Прежде Калмыки кочевьями своими занимали рѣки Ембу, Орѣ, Илекъ, Уралъ, Волгу съ ея протоками, Нарынъ-пески, и степи праваго берега Волги, до хребта Ергене и предъловъ Земли Войска-Донскаго къ западу, и до Пятигорска и устья Кумы къ югу. Но когда большая часть Калмыковъ ушла, въ-началѣ минувшаго столѣтія, въ Дзюнгарію, другая, мѣньшая часть Калмыковъ, изъявившихъ желаніе принять христіанство, поселена около Ставрополя, на Куней-воложкѣ, третья, незначительная, перешла на Терекъ, четвертая еще прежде примкнула къ Донцамъ, пятая соединилась съ Уральцами, а шестая огромною массою уведена Убуши къ Китаю, тогда приняты были мѣры къ надѣлу Калмыковъ землею. Теперь Калмыки, занимающая участокъ каспійскаго побережья въ такъ-называемыхъ мочагахъ, размѣстились по обоямъ берегамъ Волги, почти отъ Сарепты до Астрахани. На луговой сторонѣ — Нарынъ-пески принадлежатъ Внутренней-Киргизской-Ордѣ; гора Бѣгдо составляетъ казенный участокъ, соединенный съ Баскунчатскимъ солянымъ озеромъ; южнѣ Нарынъ-песковъ обитаютъ Кундровскіе и Юртовскіе Татары, а по самымъ берегамъ протоковъ Волги расселены Русскіе; на нагорной сторонѣ Калмыки кочуютъ до рѣкъ Кумы, Калауса, Маныча, до границъ узловъ Кизлярскаго, Георгіевскаго, Александровскаго и Ставропольскаго, на западъ граничатъ они съ р. Егорлыкѣмъ и съ Землею Донскаго Казачьяго Войска; пустыри здѣшной степи, по коммерческому тракту, заселены Русскими же.

Кочующіе по Волгѣ Калмыки, или, какъ сами они себя называютъ, Елѣты, раздѣляются на слѣдующія четыре поколѣнія.

Поколѣвіе Дзюнгаръ: къ нему принадлежатъ всѣ Дербѣтевцы, раздѣляющіеся нынѣ на два улуса, больше-дербѣтевскій и мало-дербѣтевскій. Отрывки Дзюнгаровъ находятся, кромѣ-того, въ улусахъ Ики-Цохуровскомъ и хошоутовскомъ, и между крещеными Калмыками Оренбургскаго Казачьяго-Войска, бывшими Ставропольскими.

Поколѣвіе Тергетъ или Торгоутъ; остатки выведенныхъ Убуши Торгоутовъ, вошли въ составъ слѣдующихъ улусовъ: Ики-Цохуръ (то-есть большой Рябой или Пестрый), Бага-Цохуръ (то-есть ма-